

Только вот досадно, что он не мог, подобно остальным, жить здесь постоянно: приходилось возвращаться, чтобы укладывать медвежонка спать, а бесконечные хождения туда-сюда отнимали немало времени...

— А вы, двое, я погляжу, неплохо спелись!

Раздался резкий, довольно громкий голос. Ляо Хань, которому этот тон показался смутно знакомым, обернулся и увидел Мин Ханя — того самого юношу, что прежде задирали его, но был посрамлен, когда медвежонок сломал его меч. Честно говоря, Ляо Хань за эти дни почти забыл о том случае.

Мин Хань скрестил руки на груди, а за поясом у него, по всей видимости, был новый меч. Следом за ним шли трое или четверо сверстников в роскошных одеждах; в их облике читалось еще больше спеси, чем в тот день.

Вэнь Шаосюань, который всегда был с ним в контрах, тут же усмехнулся:

— И кого же это я вижу? Ц-ц-ц, судя по виду, раны уже почти затянулись? Некоторые так усердно лезли на рожон, но, к несчастью, молодой господин даже не удостоил их взглядом, да еще и меч сломал — просто умора! Ха-ха-ха...

Ляо Хань был удивлен, никогда раньше он не слышал от Вэнь Шаосюаня столь ядовитых слов.

Сопоставив слова Вэнь Шаосюаня с прошлыми стычками, он наконец догадался: неужели этот медвежонок влюблен в Ли Иня? Слишком уж рано созрел!

Мин Хань от ярости побледнел и вскричал:

— А ты сам-то чем лучше? Хм, разве ты в прошлый раз на собрании не пострадал? Слышал, тебя спас какой-то Синцзюнь — не он ли это?

Он указал на Ляо Ханя и, задрав подбородок, высокомерно бросил:

— Эй, по фамилии Вэнь, не задирай нос, мы еще посмотрим!

Вэнь Шаосюань ничуть не уступил ему в спеси, пожал плечами и ответил:

— Вот и посмотрим! Мои раны давно прошли, не то что у некоторых: жизненный меч сломан, боюсь, и развитие упало больше чем наполовину. А некоторым стоит перестать тешить себя несбыточными мечтами! Лучше бы посмотрели в зеркало и увидели, насколько они хуже других!

Мин Хань задохнулся от возмущения, не в силах подобрать ответ. Его лицо то белело, то краснело, он поочередно сверлил обоих взглядом, а затем, дернув головой, ушел вместе со своей свитой.

Оба юноши были остры на язык, сыпали колкостями, и Ляо Хань, как ни дергал Вэнь Шаосюаня за рукав, ничего не добился. Он молча проводил взглядом спину маленького Мин Ханя, посмотрел на стоящего рядом Вэнь Шаосюаня и беззвучно вздохнул.

Он хотел спокойно заниматься самосовершенствованием, надеясь, что в будущем не возникнет проблем, но, надо признать, талант медвежонка Вэнь Шаосюаня навлекать на себя неприятности был просто выдающимся!

Глядя на победную улыбку Вэнь Шаосюаня, Ляо Хань почувствовал легкое уныние, но упрекать его не стал. В любом случае, подарок в виде заколки, судя по всему, был потрачен впустую. Самого задиру он не боялся, его беспокоило лишь то, как бы это не отразилось на его занятиях в павильоне Чжаофэн.

Семьи Вэнь и Мин входили в число шести великих аристократических родов города Шанъян, и обедневший род Нань не шел с ними ни в какое сравнение. Оба клана состояли в родстве с городским правителем — например, биологический отец Ли Чэ, Синцзюнь Мин Хуа, приходился близким родственником этому медвежонку Мин Ханю.

Вэнь Шаосюань покосился на Ляо Ханя и неуверенно спросил:

— Ты злишься?

Ляо Хань не удержался от наставления:

— Впредь не стоит так с ним препираться, оно того не стоит.

Вэнь Шаосюань тут же рассмеялся, по-свойски хлопнул его по плечу и сказал:

— Ничего, с самого детства он мне не ровня! Если посмеет тебя обидеть, хм-хм, здесь у меня полно братьев!

Видя, как он пытается играть роль старшего, опекающего младшего, Ляо Хань не мог не улыбнуться. В возрасте Вэнь Шаосюаня он, вероятно, был таким же заносчивым и любил ввязываться в неприятности.

Вернувшись после обеда в покои, Лин Юй сообщил, что зверь по кличке Жуфэн пал от болезни, а его тело уже вывезли из дворца и предали земле. Ляо Хань с сожалением вздохнул, но не стал долго заикливаться на этом.

Следующие несколько дней прошли без потрясений. Ляо Хань усердно изучал книги, при возникновении вопросов обращался к старшему брату Вану или другим ученикам, прогрессируя весьма быстро. Даже по дороге он не забывал о практике.

И все же Ляо Хань чувствовал, что этого недостаточно: огромное количество времени уходило на то, чтобы укладывать медвежонка спать и рассказывать ему истории. Ли Инь никогда не говорил о своих собственных занятиях, каждый раз, возвращаясь, он словно прилипал к Ляо Ханю, становясь, казалось, все более зависимым от него.

От этой ситуации Ляо Хань чувствовал смутную тревогу: Ли Инь растет, и если он станет настолько зависимым, что делать дальше? Мир вокруг был наполнен гомосексуальными отношениями, и воспринимать Ли Иня как обычного маленького мальчика было нельзя...

Однажды утром, пребывая в полудреме, Ляо Хань почувствовал сильный толчок и отлетел в сторону. За последнее время жизнь стала слишком размеренной, и его бдительность притупилась, но рефлексы сработали — он успел защитить голову. К счастью, ковер из меха был толстым, и Ляо Хань, прокатившись по нему, не получил травм.

Быстро вскочив на ноги и прояснив взгляд, он увидел, что медвежонок смотрит на него с мрачным лицом.

Ляо Хань был в полном недоумении: что опять нашло на этого ребенка? Еще глубокая ночь, он всегда спал спокойно, не разговаривал во сне... В последнее время их отношения были особенно гармоничными.

Ли Инь указал на область под поясом Ляо Ханя, лицо его слегка покраснело:

— Что это у тебя там? Как ты посмел прикоснуться ко мне этим!

Ляо Хань в недоумении опустил взгляд и, заметив выступ под свободной пижамой, почувствовал, как раздражение из-за выходов медвежонка улетучилось, сменившись даже легкой радостью.

После перемещения в этот мир тело впервые отреагировало подобным образом, раньше таких импульсов не было. Поначалу он даже беспокоился, не слишком ли слабо это тело, не стал ли он импотентом — а ведь в прежней жизни он был абсолютно здоров...

Видя, что Ляо Хань молчит, опустив голову, Ли Инь пришел в еще большую ярость и повысил голос:

— Почему молчишь!

Ляо Ханя позабавил разгневанный вид медвежонка. Оказывается, он даже знает слово

эрекция! Конечно, никакого полового воспитания здесь не было, а поскольку ребенок не сталкивался с подобным, его знания оставались поверхностными. Ляо Хань содрогнулся от мысли, что было бы, если бы медвежонок в порыве гнева нанес ему удар, лишаящий потомства...

— Я пойду в уборную и скоро вернусь, — спокойно произнес он.

Наблюдая, как Ляо Хань уходит, Ли Инь в гневе сел на постели, подперев подбородок рукой. Только что, как обычно, положив ногу на Ляо Ханя во сне, он остро ощутил нечто странное, упирающееся ему в живот. Присмотревшись, он чуть не испытал отвращение.

Его Синцзюнь, конечно, хорош: и красив, и обнимать его приятно, но вот такие неприятные моменты неизбежны...

Ляо Хань второпях закончил свои дела, с чувством облегчения вымыл руки и вернулся к кровати.

Ли Инь одарил его сердитым взглядом и, убедившись, что все пришло в норму, предупредил:

— В следующий раз не смей делать такие гадости, иначе я отрежу это!

У Ляо Ханя все внутри сжалось, хотя одновременно стало смешно. Черт, неужели ему, как «детской невесте», придется еще и проводить уроки полового воспитания?

Он осторожно присел рядом, посмотрел на слегка надутые алые губы Ли Иня и тихо сказал:

— Это вполне естественно. Когда Цянь-цзюни и Кунь-цзюни взрослеют, по утрам такое случается у всех, это не болезнь...

Ли Инь очень хотел возразить, но, поскольку действительно ничего не понимал, нетерпеливо прислушался.

Ляо Хань продолжал говорить, наблюдая, как на лице медвежонка проступает неестественный румянец, и внезапно его осенило.

Точно! Раз медвежонку это неприятно, почему бы не воспользоваться случаем и не предложить спать в разных комнатах или вообще перебраться в павильон Чжаофэн? Тогда по вечерам он мог бы оставаться в кабинете, практиковаться еще пару часов, заняться изучением артефактов, и прогресс пошел бы быстрее...

Подумав об этом, Ляо Хань понизил голос и искренне произнес:

— А-Инь, я уже взрослый... поэтому этого не избежать. Если тебе неприятно, может, будем пока спать раздельно?

Ли Инь взглянул на него, в душе зародилось сомнение: неужели придется искать себе питомца помладше? Он с отвращением спросил:

— Ты не можешь это контролировать?

Ляо Хань уже научился немного разбираться в настроении медвежонка и продолжил:

— Как я могу контролировать себя во сне? Впредь по утрам это будет повторяться, ты будешь из-за этого меня ненавидеть?

Ли Инь без колебаний ответил:

— Конечно! Это очень противно!

— ...Тогда давай жить раздельно? — терпеливо предложил Ляо Хань. — Я буду приходить по вечерам читать тебе книги, достаточно будет прибрать небольшую комнату поблизости.

Ли Инь посмотрел на его мягкий профиль и внезапно разозлился, с подозрением спросив:

— Ты ведь только ради этого и предложил жить раздельно, да?

...Ты попал в точку, медвежонок.

Ляо Хань погладил его по волосам и тихо ответил:

— Значит, останемся жить вместе?

Ли Инь раздраженно спрыгнул с кровати, прошелся туда-сюда и пробормотал:

— Похоже, мне придется взять себе еще одного Синцзюня!

Ляо Хань замер, а затем кивнул:

— М-м... во дворце обычно слишком скучно, будет лучше, если появится еще кто-то.

В душе он ликова! его беспокоило, что медвежонок растет. Он точно не останется здесь

навсегда, а если появится еще один человек в роли «подушки», медвежонок будет меньше зависеть от него, и уйти потом будет гораздо проще!

Ляо Хань чувствовал, что его выражение лица, тон и жесты были безупречны — он идеально воплотил образ великодушной и терпимой супруги в феодальном обществе, мысленно похвалив себя.

Здесьние обычаи таковы, что Цянь-цзюни берут множество наложников, а он — лишь человек с низким уровнем силы, своего рода «ваза», и его статус в будущем будет невысок.

Он полагал, что после этих слов медвежонок обрадуется, и посмотрел на него с торжественным видом, но тут же остолбенел. Прозрачные фиолетовые глаза медвежонка стали темно-фиолетовыми, пугающими, а от него самого, казалось, повеяло холодом.

...Что он сказал не так?

Ляо Хань не сомневался: Ли Инь снова собирается впасть в состояние берсерка, его слегка прищуренные фиолетовые глаза были такими холодными, что, казалось, готовы метнуть ножи. Он недоуменно перебрал в памяти свои последние слова — он ведь во всем поддакивал медвежонку... переходный возраст — это, черт возьми, такая морока!

Он пристально посмотрел в глаза Ли Иня и смягчил голос:

— Что случилось, А-Инь?

Ли Инь сам не понимал, на что злится, просто на душе было невыносимо тошно. Хотя он сам предложил завести нового питомца, и тот покорно согласился, но, глядя в эти теплые черные глаза, он не знал, как выплеснуть раздражение. Раньше, если питомец не нравился, он просто выбрасывал его или убивал...

Он пнул стоявший рядом стул — тот врезался в стену и разлетелся в щепки, — бросил на Ляо Ханя яростный взгляд и, схватив верхнюю одежду, выскочил вон.

Ляо Хань не понимал, что опять нашло на медвежонка. В конечном счете, его раздражает, что он уже почти взрослый? Но, к счастью, чувства между ними все же были, и на этот раз медвежонок не стал выбрасывать его вон...

Он посмотрел на небо: скоро рассвет. Ляо Хань оделся, умылся и решил пораньше пойти в павильон Чжаофэн. Он не придавал значения случившемуся — характер медвежонка всегда был переменчив и непредсказуем.

День выдался погожим. Утром Ляо Хань практиковался в трансформации духовной энергии в Бамбуковой роще, а после обеда встретился с Вэнь Шаосюанем. В последнее время тот обучал

его комплексу упражнений, который помогал регулировать потоки энергии в теле, заставляя их циркулировать быстрее.

По дороге Ляо Хань почувствовал неладное: казалось, все вокруг украдкой разглядывают его. Его внешность и так привлекала внимание, но сегодня взгляды были какими-то странными.

Вэнь Шаосюань тренировал технику огненной атаки в углу тренировочной площадки и, увидев Ляо Ханя, радостно спрыгнул вниз:

— Ляо Хань! Посмотри, как я справляюсь?

Ляо Хань улыбнулся:

— Отлично! И точность, и сила — всё на высоте.

Вэнь Шаосюань, не скрывая радости, замедлил движения и нанес удар, Ляо Хань ловко заблокировал его, и они обменялись несколькими приемами.

Вспомнив кое-что, Вэнь Шаосюань опустил руки и внимательно осмотрел Ляо Ханя:

— Ты в порядке?

Ляо Хань удивился:

— А что со мной может быть не так? В чем дело?

Вэнь Шаосюань огляделся по сторонам и прошептал:

— Ты не знаешь? Сплетники уже всю судачат о тебе.

— ...Обо мне? — Ляо Хань был в недоумении. Неужели в этом мире одних мужчин столько сплетен? Большую часть времени он проводил в кругу юных учеников, поэтому ничего не слышал.

Вэнь Шаосюань продолжил:

— Раньше болтали о том, как сильно тебя балует второй молодой господин, как вы вместе едите и спите, как он рисковал жизнью, добывая яйцо Бифэна, чтобы порадовать тебя...

Ляо Хань погладил яйцо Бифэна в сумке для магических зверей. В этом была доля правды, но

он считал, что тогда медвежонок просто действовал на эмоциях, убив птиц, и о «заискивании» не могло быть и речи.

Вэнь Шаосюань только закончил, как раздался другой голос:

— Хе-хе, но сейчас, боюсь, второй молодой господин уже не интересуется таким слабым существом низкого происхождения! Ничего хорошего не ждет тех, кто пытается удержаться лишь за счет своей внешности!

Услышав этот знакомый голос, Ляо Хань почувствовал бессилие. Маленький Мин Хань действительно был настойчив в своей роли соперника в любви...

Он похлопал Вэнь Шаосюаня по плечу, останавливая его, и с улыбкой обернулся:

— Ты так хорошо осведомлен?

Мин Хань одарил его презрительным взглядом:

— Во всем павильоне Чжаофэн можно найти немало Кунь-цзюней лучше тебя! Полагаю, ты еще не знаешь: сегодня вышло распоряжение правителя — все аристократы города Шанъян в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, не состоящие в браке, через три дня должны явиться во Дворец Луаньфэн, чтобы второй молодой господин мог выбрать себе Синцзюня!

Он посмотрел на удивленное лицо Ляо Ханя и самодовольно продолжил:

— Ты во дворце всего месяц, а уже объявлен такой масштабный отбор Синцзюней — значит, второй молодой господин потерял к тебе интерес. Хе-хе, через три дня советую тебе тоже прийти и посмотреть!

Ляо Хань был искренне удивлен: Ли Инь действительно человек дела, какая скорость!

Только вот Ли Инь — лишь второй сын, неужели правитель пойдет на такой масштаб... Видимо, Ли Инь действительно столь любим, как о нем говорят.

Он кивнул Мин Ханю и улыбнулся:

— Благодарю за информацию. Тогда и тебе стоит подготовиться, ведь желающих будет немало.

Вэнь Шаосюань усмехнулся и добавил:

— Ляо Хань, ты еще мягко сказал! Боюсь, как бы кое-кто ни наряжался, на него даже не

посмотрят. Иначе бы ему не сломали меч и не понизили уровень развития, ха-ха...

Мин Хань, надеявшийся увидеть печаль на лице Ляо Ханя, сам покраснел до корней волос. Слухи о том, что Ли Инь лишил его меча, распространились по всему павильону Чжаофэн, и над ним не раз потешались за спиной. Одарив Вэнь Шаосюаня злобным взглядом, он бросил напоследок пару фраз, чтобы сохранить лицо, и в ярости удалился.

Вэнь Шаосюань перестал улыбаться и с тревогой посмотрел на Ляо Ханя:

— Ты точно в порядке?

Ляо Хань улынулся:

— Да. На самом деле, в его словах есть доля истины: второй молодой господин растет, и вполне естественно, что он выберет других Синцзюней.

Видя, что Вэнь Шаосюань все еще волнуется, он пошутил:

— Ты ведь тоже пойдешь через три дня? Вдруг тебя выберут.

Вэнь Шаосюань покраснел, разозлился и воскликнул:

— Мне и даром не нужно быть никаким Синцзюнем! Хм, в будущем я сам буду брать жен, а не выходить замуж!

В отдалении, прислонившись к колонне, стоял Ли Инь, скрестив руки на груди. Разговор долетел до него отчетливо, особенно слова Ляо Ханя. Чем больше он слушал, тем сильнее злился, и грудь его тяжело вздымалась.

Он впервые пришел в павильон Чжаофэн, чтобы лично увидеть реакцию своего питомца на эту новость. И что же? Увидел, как тот обменивается ударами с этим мальчишкой с синими волосами, так нежно называет его по имени, а услышав новость об отборе, даже не расстроился... Неужели он так хочет, чтобы кто-то другой укладывал его спать?

Он прищурился, прикусив нижнюю губу. Боюсь, все, что раньше говорил этот питомец — о желании стать сильнее ради него, стать его Контрактником — было лишь обманом?!

...

Вернувшись тем вечером, Ляо Хань обнаружил, что атмосфера в покоях изменилась. Лин Юй с безразличным видом проводил его в отдаленный маленький дворик, сообщив, что скоро

прибудут новые люди, поэтому теперь он будет жить здесь. В кабинет, ванную и другие комнаты молодого господина вход отныне закрыт.

Ляо Хань запомнил все, что было сказано, и не чувствовал досады из-за ссылки в «холодный дворец». Жить отдельно и заниматься своими делами было даже удобнее — это лучше, чем постоянно переживать за свою «пятую точку».

Он давно заметил, что Ли Инь склонен к перемене мест: раньше у него был черный питон и другие питомцы, но все они исчезали через некоторое время, и, казалось, он ни к чему не привязывался...

С таким холодным сердцем неудивительно, что, даже будучи таким привязчивым, он мог в одночасье охладеть.

Все же, прожив вместе некоторое время, Ляо Хань проникся к медвежонку чувствами и не удержался от совета:

— В эти дни по ночам укрывайте второго молодого господина еще одним тонким одеялом, у него холод в теле.

Лин Юй с каменным лицом кивнул, поклонился и вышел.

Ляо Хань осмотрел свою комнатку: пусть маленькая и грязная, но все необходимое было, постельное белье — чистое. Он закатал рукава, переставил стол и стулья, чтобы пространство выглядело разумнее. Сходил за водой и тщательно вымыл комнату.

Пока он работал, в дворике появились двое двадцатилетних Кунь-цзюней, присланных управляющим прислуживать Синцзюню Наню, — одного звали Да Лю, другого Эр Ху.

Ляо Хань внимательно оглядел их: один весь в веснушках, другой — в прыщах, смотреть на них было нелегко. Но он не судил людей по внешности, поэтому вежливо переговорил с ними, попросив прибрать комнату напротив, где они будут жить.

Его расстроило лишь то, что стоило ему заговорить, как оба покраснели до ушей, а уходя, едва не спотыкались — их профессионализм ни в какое сравнение не шел с Лин Юем или другими высококлассными слугами.

Ляо Хань вздохнул: лучше бы он жил один, в тишине!

В дворике была маленькая кухня, ужин приготовил Да Лю — два простых овощных блюда и суп.

Заметив, что оба слуги склонны впадать в подобострастие, Ляо Хань не стал много говорить, велел им поскорее ужинать и оставлять еду на столе.

Еда Да Лю была самой обычной, но Ляо Хань, проголодавшись за день, ел с удовольствием. Хотя эти продукты не шли ни в какое сравнение с роскошными изысканными ужинами, зато никто не заставлял кормить его с рук и не нужно было изображать аристократические манеры — стало намного спокойнее и комфортнее.

Потерев наевшийся живот, Ляо Хань с наслаждением потянулся, походил немного по дворику, чтобы растрясти еду, а затем вернулся в комнату, достал энергетический камень и погрузился в работу.

Энергетические нити, которые он создавал теперь, стали намного лучше: их прочность и острота после закалки значительно возросли.

<http://bllate.org/book/24639/2898313>